

Кавалёва. Доўгія дзесяцігоддзі лічылася, што Кавалёў з'яўляўся здраднікам, ягонае імя не ўзгадвалася ў літаратуры, прысвечанай Мінскаму падполлю, і толькі ў 1990 г. усе абвінавачанні былі зняты і гэтаму чалавеку было вернута добрае імя [4, с.20-21]. У гонар кіраўніка Мінскага падполля была названа вуліца ў былой вёсцы Сухарава (раней – Цэнтральная), далучанай да Мінска ў 1997 г. Там жа з'явілася вуліца партызана Р. Мачульскага.

Апошнім з кіраўнікоў падпольных раённых камітэтаў, хто не быў ушанаваны ў назвах мінскіх вуліц, з'яўляўся М. Гебелеў – сакратар Тэلمانаўскага райкома, размешчанага ў гета. Калі прызнанне савецкімі ўладамі Мінскага падполля ў пасляваенны час хоць не адразу, але адбылося, то факт існавання арганізаванай барацьбы ў гета адмаўляўся. І толькі ў 1990-я гг. нам адкрылася жахлівая праўда Мінскага гета. Зусім справядліва выглядае перайменаванне ў 2005 г. Мэблевага завулка (знаходзіцца на тэрыторыі былога гета) у вуліцу імя М. Гебелева [14]. У 2010 г. была ўшанавана памяць партызанскага камадзіра В. Лівенцава, калі ягоным імём была названа новая вуліца.

Можна зрабіць выснову, што мемарыялізацыя імёнаў партызан і падпольшчыкаў у назвах гарадскіх вуліц з'яўлялася ў 1960-1985 гг. адлюстраваннем палітыкі партыйных органаў улады. Калі ў першай палове 1960-х гэтая палітыка была асцярожнай і шмат у чым фармальнай, то пасля – больш рашучай. Амаль усе найменаванні ў савецкі час у гонар падпольшчыкаў і партызан былі прывязаны да юбілейных дат, але былі бессістэмнымі. У апошнія гады былі зроблены спробы выправіць некаторыя хібы ў пытанні ўвекавечання памяці ўдзельнікаў партызанскага і падпольнага руху.

Спіс выкарыстаных крыніц:

1. Бараноўскі Я., Ігнаценка І. Мінскае патрыятычнае падполле // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Том 5. – Мінск, 1999. С.165-169.
2. Их именами названы. Энциклопедический справочник. Мн., 1987.
3. Минск. Энциклопедический справочник. – Минск, 1983.
4. Мінскае антыфашысцкае падполле. – Минск, 1995.
5. Дзяржаўны архіў Мінскай вобласці (ДАМВ). – Ф. 6. Воп. 4. Спр. 149. Арк. 25–29.
6. ДАМВ. – Ф. 6. Воп. 3. Спр. 1106.
7. ДАМВ. – Ф. 6. Воп. 3. Спр. 325.
8. ДАМВ. – Ф. 6. Воп. 3. Спр. 897.
9. ДАМВ. – Ф. 6. Воп. 3. Спр. 93.
10. ДАМВ. – Ф. 6. Воп. 4. Спр. 91. Арк. 51.
11. ДАМВ. – Ф. 6. Воп. 4. Спр. 186. Арк. 39.
12. ДАМВ. – Ф. 6. Воп. 4. Спр. 282. Арк. 162.
13. ДАМВ. – Ф. 6. Воп. 3. Спр. 590. Арк. 66.
14. Рашэнне Мінгарсавета № 176 ад 16 чэрвеня 2005 года.

*И. Н. Сидоренко, доктор философских наук, профессор,
БГУ, г. Минск*

<http://edoc.bseu.by>

Iri_na2000@rambler.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ И СПЕЦИФИКА

Историческая коллективная память по своей природе является социальной и социальнообразующей. Поэтому историческую память можно отождествлять с социальной памятью, которая присуща определенной социальной общности и функционирует в

определенных «социальных рамках», организуя повседневный опыт индивидов. Таким образом, понятие социальная историческая память употребляется в противовес биологической, как некая внегенетическая система наследования и передачи социально значимой информации. Историческая память существует и реализуется в двух модусах: индивидуальный исторический опыт и культурная память. Если в первом модусе она представляет собой индивидуальную биографию, «живую» память современников, то во втором модусе она основывается на событиях прошлого. В силу этого, историческая память, будучи индивидуальной, является незавершенным проектом, так как пока живет человек, его опыт и его собственная история изменяются и продолжают осуществляться. Что же касается исторической памяти в модусе культурной памяти, то здесь она предстает как завершившийся проект, однако не свободный от идеологизированных трансформаций и потому являющийся объектом информационного воздействия.

Рассмотрим основные подходы к определению и раскрытию специфики понятия «социальная историческая память». Один из влиятельных подходов был представлен французским социологом М. Хальбваксом [1]. С его точки зрения, коллектив – это субъект памяти, обладающий как автобиографической (индивидуальной), так и социальной памятью, которые, в свою очередь, являются составной частью социального мышления и представляют собой совокупность воспоминаний, т.е. коллективных представлений, подверженных изменениям под влиянием времени и обстоятельств. М. Хальбвакс оперирует понятием «социальные рамки памяти», под которым понимает систему социально санкционированных, устойчивых и прошедших проверку времени воспоминаний. Социальные рамки представляют собой социально-мемориальный каркас памяти, определяющий для конкретного индивида «чувство реальности». Получается, что задавая горизонт воспоминаний, социальные рамки определяют восприятие реальности, т.е. выступают одновременно и как пространственно-временной каркас. Это логично, так как память – это не просто поток воспоминаний о пережитом, но и фиксированная система, наподобие ткани, где нитью основания выступает пространство, ориентиры на местности, чувство дома, родины, обжитого места. Что же касается искажений и забвений в процессе воспоминания, то французский социолог связывает это как с изменением социальных рамок, так и с исчезновением социальных групп как носителей памяти.

Интересный подход к исследованию социальной исторической памяти предложил немецкий египтолог Я. Ассман [2]. Проанализировав культуру памяти у древних обществ, а также способы создания воображаемого образа постижения прошлого, Я. Ассман пришел к выводу о том, что социальную историческую память формируют как чувство единства у членов общества, так и чувство единства с уже ушедшими поколениями. Таким образом, прошлое возможно и возникает лишь в силу того, что к нему обращаются, актуализируют его в настоящем. Целесообразно отметить, что Я. Ассман, в отличие от М. Хальбвакса, критически отнесся к идее антропоморфизации памяти общества, отметив, что: «коллективы не обладают памятью, но обуславливают память своих членов» [2, с. 36]. Память у конкретного человека формируется в результате коммуникации и социализации, она индивидуальна ввиду уникальности комбинаций воспоминаний, но одновременно и социальна по своему происхождению. Поэтому социальная историческая память, не исключая индивидуальности образов, идей и т.п., является социальной конструкцией, формируемой духовными потребностями и ситуацией настоящего. «Прошлое не вырастает естественным путем, оно является продуктом культурного творчества» [2, с. 50]. Социальная историческая (коллективная) память осуществляется в двух модусах: коммуникативном и культурном. Что касается первого модуса, то здесь речь идет о коммуникативной памяти как «живой ткани», охватывающей биографические воспоминания, связанные с прошлым нескольких поколений. Культурная память имеет дело с так называемыми обосновывающими воспоминаниями, относящимися к абсолютному прошлому. Такая память специально учреждается (фиксируется в ее незыблемости и неизменности), носит символический и мифологический характер и

институционализована. Воспоминания, составляющие содержание культурной памяти, призваны обосновывать идентичность социальной группы. Однако, учитывая тот факт, что образ реальности, сохраняющийся в памяти, первоначально преломляется в сознании человека и так или иначе «обрабатывается» или проходит сквозь призму коммуникативной памяти, он не статичен, постоянно изменяется. Поэтому правомерно утверждать, что не существует объективных или чистых фактов памяти. Память – это результат причудливых комбинаций образов, порожденных коммуникативной и культурной памятью.

На проблему изменчивости социальной исторической памяти, ее соотношения с историческим сознанием обратил внимание английский теоретик Д. Тош [3]. Согласно его мысли, коллективная память является надбиологической функцией, хранилищем опыта, позволяющим сформировать идентичность и породить чувство причастности, что, одновременно, даст возможность индивиду оценить направление собственного развития, т.е. такая память выступает в качестве компаса. Социальная историческая память понимается как социально мотивированный взгляд из прошлого на развитие в настоящем и будущем. При этом она не свободна от искажений, причинами которых являются: уважение к традиции, которое может замалчивать перемены или отрицать их; ностальгия, сквозь призму которой изменения трактуются пессимистично, негативно, что приводит к толкованию прошлого как альтернативы будущему; вера в прогресс, наоборот, может неоправданно наделять перемены положительным содержанием и при этом принижать значимость прошлого. Преобладание той или иной причины искажения определяет в целом вектор социальной эволюции и роль социальной исторической памяти в обществе.

Оригинальной является концепция социальной исторической памяти немецкого философа, культуролога, переводчика и литературоведа В. Беньямина, выстраивавшего собственную концепцию философии истории, в которой он противопоставил исторический материализм и историзм, видя именно в первом возможность подлинного изучения истории [4]. Известное представление об истории как науки о том, что было в прошлом, В. Беньямин заменил другим: история – это не только прошлое в смысле прошедшего и неизменного, но и происхождение из него, сам процесс становления, творящий не только эпоху, но и определяющий настоящее и будущее. Развивая собственную концепцию исторического материализма, В. Беньямин опирался на идею трех видов историографии Ф. Ницше: монументальная, антикварная и критическая история. Так, будущее культуры существует в форме решительного осуществления некой избранной возможности как монументальной. Однако, подлинная история культуры, будучи монументалистской, может осуществиться только в повторении как возобновлении. Такое повторение культуры отождествлялось В. Беньямином с коллекционированием, что напоминает антикварный вид историографии. Единство прошлого, настоящего и будущего раскрывается в мгновении, как шоковом временном разрыве в потоке воспоминаний. В силу этого подчас не прошлое оценивается с точки зрения настоящего, а наоборот, оценка настоящего дается через осмысление прошлого и всматривание в будущее, поэтому монументалистски-антикварная история с необходимостью предполагает критику современности, а значит осуществление критической истории. Отсюда задача историка заключается не в том, чтобы выявить последовательность различных событий во времени, а в том, чтобы различить и выделить из однородного поступательного движения истории «революционные моменты», раскрывающие значение эпохи для историка.

Для В. Беньямина задача исторического материализма заключается в разработке нового понимания времени и, соответственно, нового видения хода исторического процесса. В отличие от историзма, устанавливающего образ прошлого как неизменного, исторический материализм понимает под прошлым опыт, который присутствует только здесь. В. Беньямин видел в истории возможность восстановления, дара прошлого как диалектического послеобраза реальности творения. Человек дарит истории ее же прошлое, бережно собранное им в мозаичную картину послеобразов. Идея восприимчивости

прошлого в настоящем – это «чрезвычайная ситуация», делающая видимой протянутую сквозь историю «нить традиции», не требующей никаких оснований, а нуждающейся в личном принятии [5].

Таким образом, подходы к определению социальной исторической памяти в западноевропейской философии и гуманитаристике, несмотря на то, что имеют нередко концептуальные различия, схожи в том, что определяют этот тип памяти как результат социального конструирования, который в большей степени подобен процессу как личностного, так и группового принятия прошлого, а не его застывшему образу.

Список использованных источников:

1. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти. – М.: Новое издание, 2007.
2. Ассман, Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая индентичность в высоких культурах древности. – М.: Языки славянской культуры, 2004.
3. Тош, Д. Стремление к истине. – М.: Изд-во «Весь мир», 2000.
4. Беньямин, В. Историко-философские тезисы // Левая Россия. – №7. – 2001.
5. Сидоренко, И.Н. Вальтер Беньямин. – Минск: Книжный дом, 2012.

*Я.О. Стельмах, студент,
БНТУ, г. Минск
yanina112001@gmail.com*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ МОЕГО ГОРОДА

В одной народной мудрости говорится, что «Только та страна, в которой люди помнят о своём прошлом, достойна будущего». В Беларуси немало символом прошлого, которые, будучи увековеченными в камне, либо на страницах книг или полотнах художников, закрепляются в памяти в виде уроков для будущих поколений.

Одним из таких «уроков» для нас стала Великая Отечественная война, которая принесла невосполнимые утраты и расколола мир на «до» и «после». Память о ней закреплена не только в памятниках архитектуры или в энциклопедических справочниках, но и в названиях улиц наших городов.

В моём родном городе Бобруйске немало улиц, которые получили своё название в честь героев Великой Отечественной войны, которые внесли существенный вклад в освобождение не только моего города, но и всей страны и подарили нам мирное небо над головой.

Среди магистральных улиц Бобруйска одна носит имя человека, который внёс весомый вклад в освобождение города, – командира 9-го танкового корпуса генерал-майора Бориса Сергеевича Бахарова. В июне 1944 года 9-ый танковый корпус под его командованием принимал участие в Бобруйской операции, в которой, соединившись с 1-м гвардейским танковым корпусом, завершил окружение гитлеровских войск и препятствовал их выходу из Бобруйского «котла» [1, с.6]. Генерал-майор Бахаров в ходе боёв проявлял настоящие мужество и героизм, активно участвуя в критические моменты в атаке вражеских танков. За участие в Бобруйской операции 9-ый танковый корпус получил почётное наименование «Бобруйский» и был отмечен орденом Красного Знамени. 16 июля 1944 года в ходе боевых действий в Пружанском районе командир Борис Сергеевич Бахаров был смертельно ранен. Герой Советского Союза был похоронен на одной из площадей моего города, где и по сей день стоит памятник-танк как символ победы» [1, с.7].

Побывав в районе бывшего военного авиагородка, вы можете встретить улицу, названную в честь настоящей легенды советской истребительной авиации, – Бориса